

У Чу Лянь на четыре часа дня была еще одна экзаменационная пара — та самая легкая, для галочки, так что она никуда не спешила и лишь около трех часов дня кое-как, волоча ноги, покинула квартиру Е Лицин. В обед она в одиночку перекусила в забегаловке на первом этаже: Е Лицин и Гу Чэн ничего не ели, заявив, что «они могут и не есть».

Подразумевалось, что они вполне могут обойтись без еды.

Когда Чу Лянь выходила из квартиры Е Лицин, напротив как раз отворилась дверь Линь Юйлин, но оттуда вышла вовсе не она, а младшекурсница из того же университета, состоявшая с Линь Юйлин, кажется, в одном клубе. Поразмыслив немного, Чу Лянь вспомнила, что эту первокурсницу звали Чжао Шутин — должно быть, именно её Линь Юйлин упоминала как «Шутин».

Вышло немного неловко.

Здороваться с Чжао Шутин Чу Лянь не стала, а лишь быстрыми шагами спустилась по лестнице и вернулась в университет готовиться к экзамену. Наверное, за её спиной Чжао Шутинтыкала в неё пальцем, но ей было всё равно. Всё, о чём думала в тот момент Чу Лянь, сводилось к словам Линь Юйлин и её собственному утверждению: «Мы кончены».

Во время экзамена она всё время витала в облаках. Впрочем, ничего страшного: стоило лишь исписать каждый уголок бланка ответа, и незачет ей не грозил. В конце концов, предмет был проходным. Вот если бы с сердечными делами всё обстояло так же просто! Во всяком случае, достаточно было сделать вид, что относишься к ним со всей серьезностью, — и легко отделаешься. Преподаватель избавлял себя от хлопот по организации пересдачи, а она получала необходимые для выпуска кредиты.

Сдавая бланк и выходя из аудитории, Чу Лянь чуть не прошла мимо поджидавшей у дверей Гу Чэн.

Винить её за это было нельзя. Как уже упоминалось ранее, Гу Чэн одевалась крайне непринужденно — точь-в-точь засидевшаяся аспирантка или молодая кураторша, поэтому её появление в любом уголке университета выглядело вполне естественным, включая даже мужской туалет.

— Эй, студентка! — окликнула её Гу Чэн. — Занята? Есть свидание? Если нет, я бы хотела с тобой поговорить.

Неподалеку от университета находился торговый центр, на первом этаже которого располагалась «Старбакс» с выходящими на улицу витринами.

— Она способна управлять временем, особенно на стыке жизни и смерти. Как ты только что видела, она может заставить тебя увидеть момент чьей-то смерти.

Чу Лянь оживала, что Гу Чэн скривится с выражением «не в коня корм», однако та лишь смотрела в какую-то точку, и лицо её казалось немного меланхоличным.

Когда спустя несколько лет Чу Лянь сама пополнит ряды этих людей, ей захочется как следует отлупить себя университетскую.

— Неужели ей каждый раз перед этим нужно воскурять благовония, омыwać руки и проводить какие-то ритуалы, чтобы удерживать в себе эту способность? — спросила Чу Лянь.

— Ты что, думаешь, всё так просто? — Гу Чэн отпила кофе и с сомнением посмотрела на Чу Лянь.

Чу Лянь внезапно вспомнила слова, некогда сказанные ей Е Лицин: «Всё, что я могу... это время». Возможно, теперь всё встало на свои места: Е Лицин и впрямь обладала какими-то сверхъестественными способностями. Вот только то жуткое красное небесное тело, судя по всему, в сферу сверхъестественных сил Е Лицин не входило.

Студенты, закончившие экзамен, сплошным потоком шли мимо них, но никто не обращал на девушек внимания. Чу Лянь посмотрела на вечернюю зарю вдали — облака выглядели так, будто охвачены пламенем.

Закончив говорить, Гу Чэн указала на один из углов: — Смотри туда.

Гу Чэн спросила: — Так ты правда понятия не имеешь, чем занимается Да Ецзы?

— За это приходится платить цену, но платит её не Да Ецзы, а тот, кто жаждет увидеть мертвеца... Все эти люди в конце концов сталкиваются с несчастьями. У кого-то всё рушится уже через несколько дней, у других — примерно через год-два. И не думай, что под так называемым несчастьем подразумеваются развод родителей или провал на вступительных экзаменах в университет. То несчастье, о котором говорю я, обычным людям не по силам вынести.

Лишь тогда Чу Лянь заметила, что Гу Чэн за спиной держит рюкзак и стоит в тени у входа в аудиторию. Она была одна, Е Лицин поблизости не наблюдалось. Чу Лянь удивленно посмотрела на Гу Чэн: — Поговорить?

Гу Чэн глядела в окно. Как раз наступил час пик, на коммерческой улице сновали люди, никто не задерживался, все куда-то спешили. Долгое время спустя Гу Чэн вздохнула.

В те времена для студентки Чу Лянь «Старбакс» был непозволительной роскоши заведением. Проходя мимо и заглядывая сквозь панорамные стекла на городских элитариев, которые работали за ноутбуками с чашечкой кофе подле руки — таких утонченных и деловых, — она порой испытывала жгучую зависть.

Впрочем, сейчас Чу Лянь всё еще оставалась беззаботной и счастливой студенткой. Сидя вместе с Гу Чэн в «Старбаксе», в прохладе кондиционера, с горячим стаканчиком в руках (на

самом деле Чу Лянь заказала горячий шоколад, так как наступал вечер и ей совсем не хотелось страдать от бессонницы), она чувствовала себя совершенно счастливой.

Чу Лянь с самым невинным видом ответила: — Я спрашивала её, но она отказалась говорить.

— Ладно, — сказала Чу Лянь. — Угощаешь ты.

Повернув голову, Чу Лянь заметила, что Старый хрыч сидит за столиком у самого входа в «Старбакс». Волосы его растрепались, а из-за обилия геля казались невероятно сальными; пуговицы на пиджаке были расстегнуты, а воротник рубашки неаккуратно топорщился на шее. Тем не менее, он явно не замечал своего неприглядного вида и громко разговаривал по телефону так, что слышно было на всю кофейню.

— Именно этот пароль! Я лично спрашивал! Разве что он из могилы решил меня соврать! Ровно те шесть цифр, ты уверен, что не ошибся при вводе?! 663728! Попробуй еще раз, ты точно ввел не то!

Чу Лянь повернулась к Гу Чэн, на лице которой застыло выражение: «Не спрашивай меня, я ничего не знаю».

— Разве мертвецы тоже лгут? — спросила она.

— Разумеется. Не думай, будто жизнь и смерть — это какой-то фильтр для лжи, — усмехнулась Гу Чэн. — Живые мастера соврать, а после смерти они только усерднее принимаются за старое. Пошевели своей умной бамешкой: зачем Старый хрыч, едва умерев его папаша, принялся в панике выпытывать пароль от корпоративного счета? Уж не ради ли того, чтобы получше заботиться о престарелой матушке?

Чу Лянь умолкла. Ей показалось, что шоколад в «Старбаксе» вовсе не такой уж вкусный.

Гу Чэн продолжила рассуждать в том же духе: — Но как ни крути, это ремесло, верно? Мы с Да Ецзы раньше тоже так думали. Однако позже мы поняли, сколь опасная и пугающая эта вещь.

Чу Лянь почти не расслышала последних слов Гу Чэн, потому что истошный крик Старого хрыча, оравшего в телефонную трубку, раскатился по всей кофейне. Официант подошел к нему и вежливо попросил говорить потихое.

Напоследок Старый хрыч бросил в трубку угрозу: — Он меня обманул! — после чего схватил сумочку, вылетел из кофейни и быстрыми шагами направился к торговой улице.

Время словно замерло.

Сквозь панорамное стекло Чу Лянь видела, как Старый хрыч прошел мимо окна — до чего же разъяренным он выглядел; в следующее мгновение с неба рухнула огромная черная тень, двигавшаяся с такой невероятной скоростью, что Чу Лянь успела заметить лишь мелькнувший световой блик. Тень угодила прямо в Старого хрыча — точно лепешка цзяньбин, упавшая с высоты на другую лепешку цзяньбин, и обе они плашмя рухнули на землю.

Кто-то выбросился из окна и при падении угодил прямо в Старого хрыча, отчего оба рухнули на мостовую. С точки зрения Чу Лянь, Старый хрыч лежал навзничь, его телефон отлетел далеко в сторону, и лица его было не разглядеть, но оно наверняка выражало растерянность, с примесью еще не угасшего гнева. На втором человеке была надета просторная ярко-красная толстовка, и было непонятно, мужчина это или женщина; тело лежало на Старом хрыче в неестественно изогнутой позе, словно веревочная лапша. На землю брызнула огромная лужа красно-белой жижи — чья это была кровь или мозги, разобрать не удавалось.

Вокруг раздались испуганные возгласы, множество людей бросилось в ту сторону, а чей-то женский голос заливался слезами и криками, отчего у Чу Лянь разболелась голова.

Чу Лянь все еще таращилась туда, как вдруг человек в красном, совершивший прыжок, неожиданно приподнял голову, и его шея невероятно вывернулась на сто восемьдесят градусов — прямо как в фильмах ужасов. Но лицом этот человек был точь-в-точь Линь Мэйли.

Она разлепила бледные губы, и меж зубов сочилась кровь: — Когда вы всё испортите, мы встретимся снова.

Голос мертвеца звучал тихо, но так отчетливо, будто она шептала прямо на ухо Чу Лянь.

Чу Лянь сильно зажмурилась — нет, это галлюцинация. Зевак вокруг становилось всё больше, из-за толпы Чу Лянь уже не видела те два тела. Она отвела взгляд и посмотрела на Гу Чэн, сидевшую напротив.

Гу Чэн взглянула на часы: — Семь часов. Я выиграла, Да Ецзы должна угостить меня обедом.

Лицо Чу Лянь в тот момент должно было быть совершенно бледным. Лишь несколько минут спустя она заговорила: — Разве после встречи с мертвецами живые люди тоже не обречены на гибель?

Гу Чэн приняла вид человека, который только-только додумался до очевидного: — Не обязательно умирают, некоторые сходят с ума, берут ножи и бегут рубить людей на улицы. Вот об этом несчастье я и говорю: по сравнению с таким ужасом любой развод родителей или провал на экзаменах — сплошные пустяки.

Нет, дело было вовсе не в этом.

В голове у Чу Лянь царил полный хаос — возможно, потому, что за окном стоял невообразимый шум: воющие звуки сирены скорой помощи приближались, а зеваки продолжали толпиться и протискиваться вперед, чтобы поглазеть на зрелище.

Наконец она задала тот самый вопрос, который так хотела задать: — Тогда через сколько времени после встречи с мертвецами настигает это несчастье?

Гу Чэн отпила кофе: — У тех, кому не везет быстро, — дня через три-пять, а бывают и такие, как Старый хрыч, у которых счет идет на часы; у тех, кому тянет дольше, может пройти два-три года. Но чтобы прошло больше восьми лет, как у тебя, — такого я еще не встречала. Впрочем, я не стану испытывать, как тебе это удалось, да ты и сама, наверное, не знаешь.

Да, Чу Лянь действительно не знала. Тогда она была совсем ребенком, еще даже не окончила начальную школу, а всё, что было связано с Линь Мэйли... казалось просмотром невероятно реалистичного фильма, после чего последовал стремительный бег неумолимого времени.

В этом-то и заключалась суть проблемы.

Чу Лянь поднялась на ноги и подхватила брошенный на сиденье рюкзак: — Мне нужно в университет, спасибо за кофе, в другой раз я тебя угощу.

— Эй... и ты вот так уходишь? — Гу Чэн выпрямилась. — Разве ты не пойдешь к Да Ецзы?

— Я вспомнила, что в университете кое-какие дела, вернусь пораньше, — закинув рюкзак на плечо, Чу Лянь быстрым шагом вышла из «Старбакса». Больше она не смотрела на место происшествия, окруженное толпой: она боялась снова увидеть лицо Линь Мэйли или тень того красного небесного тела.

Ей было тоскливо, но вовсе не из-за истории со Старым хрычом.

А потому, что всё снова сводилось к Е Лицин.

<http://bllate.org/book/21516/2207292>